

Г. М. Бирженюк³**СИТУАЦИЯ НА УКРАИНЕ.
ОПЫТ КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА**

Если провести даже поверхностный контент-анализ публикаций о ситуации на Украине с точки зрения частотных характеристик словесного обозначения того, что там происходит начиная с 24 февраля, то окажется, что слово «конфликт» существенно опережает остальные — политкорректные и не очень.

Причина видится не только и столько в том, что Роскомнадзор требует удалить из СМИ все материалы, где употребляется слово «война»⁴. Дело в том, что

¹ Nach Lehrbuch: Deutsche Medien betreiben Kriegspropaganda.

² Ibid.

³ Заместитель председателя Ученого совета СПбГУП, заведующий кафедрами социально-культурных технологий и конфликтологии, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Глобальные информационные вызовы и информационная безопасность», «Время и социальные институты как универсалии культуры», «Социально-культурные синхронизаторы и регуляторы» (науч. ред.), «Мониторинг социально-трудовых конфликтов в России: теория, методика, технологии» (в соавт.), «Трудовой арбитраж в сфере коллективных споров: история и современность» (в соавт.), «Профсоюзное движение в России: основные тенденции (2005–2015)» (в соавт.) и др. Лауреат премии Правительства Санкт-Петербурга за выдающиеся достижения в области высшего образования и среднего профессионального образования (2016). Действительный член Академии туризма. Почетный профессор Таджикского государственного института искусств им. М. Турсун-заде. Почетный профессор СПбГУП.

⁴ Такого рода факты, оцениваемые как сообщение недостоверных данных о действиях Вооруженных сил РФ, ведомство за-

война — это не только действия одной страны против другой, но еще и юридический казус, который регламентируется нормами международного права. В соответствии с III Гаагской конвенцией 1907 года (ст. 1) «договаривающиеся державы признают, что военные действия между ними не должны начинаться без предварительного и недвусмысленного предупреждения, которое будет иметь или форму мотивированного объявления войны, или форму ультиматума с условным объявлением войны»⁵. Строго говоря, как до принятия указанной конвенции, так и после введения данного акта в систему международного права объявление вой-

фиксировало в следующих источниках: «Новая газета», «Эхо Москвы», «Дождь», «Медиазона», The New Times, «Свободная пресса», «Крым.Реалии», «Журналист», «Лениздат», «ИноСМИ». Часть перечисленных изданий к настоящему времени либо закрыты, либо объявлены иностранными агентами. 4 марта 2022 года принят закон, который предусматривает серьезные уголовные наказания за фейки о Вооруженных силах РФ. Распространители их наказываются штрафами от 700 тыс. до 1,5 млн руб., исправительными или принудительными работами либо заключением в колонию на срок до трех лет. Если же в результате таких действий наступили «тяжкие последствия», то срок заключения может составить 10–15 лет (ст. 207.3 УК РФ).

⁵ Конвенция об открытии военных действий от 18 октября 1907 года (вступила в силу 26 января 1910 г.). URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/hague03.asp; <https://european-court-help.ru/iii-gaagskaja-konvencija-ob-otkrytii-voennyh-dejstvijej-dejstvujushhaja-ot-18-oktjabrja-1907-goda/>

ны было своего рода ритуальным, по сути необязательным, элементом международных отношений.

После Второй мировой в мире не было крупных войн. Но были военная операция США во Вьетнаме (1960–1975), вторжение Вьетнама в Камбоджу 25 декабря 1978 года и свержение Пол Пота, введение советских войск («временного ограниченного контингента») в Афганистан 25 декабря 1979 года на долгие десять лет, боестолкновение между Великобританией и Аргентиной за Фолклендские острова (1982), бомбардировка Югославии войсками НАТО, разрушение Ирака, Ливии, Сирии, 20-летняя кампания США в Афганистане, наконец, «принуждение Грузии к миру» в 2008 году силами российских войск.

В итоге: войн не было, но в боях погибли миллионы людей — военных и гражданских лиц. Здесь налицо чисто юридическая казуистика. По нормам ООН объявивший войну автоматически считается агрессором со всеми вытекающими последствиями, а осуществивший агрессию без объявления войны таковым не считается. В данном контексте понятно, почему Украина не объявляет войну России: в этом случае она, по Уставу ООН, автоматически становится агрессором, а поддерживать агрессора ни коллективный, ни индивидуальный Запад не станет. По этим причинам все, что связано с военными действиями, кампаниями, операциями и тому подобным, целесообразно называть конфликтами.

Если попытаться применить технологии конфликтологического анализа к ситуации с Украиной, то можно зафиксировать следующее.

1. Первое, с чего целесообразно начать анализ, — определение сторон конфликта. На первый взгляд, это риторический вопрос, поскольку одна страна (Россия) осуществляет специальную военную операцию в отношении другой страны (Украины). Однако 16 марта во время совещания с правительством по социально-экономической поддержке регионов Президент РФ В. В. Путин заявил, что коллективный Запад пытается уничтожить сильную суверенную Россию¹. В этом же ключе формулирует свою позицию министр иностранных дел С. В. Лавров².

Иными словами, есть основания считать, что стороны конфликта — не Россия и Украина, а Россия и коллективный Запад. Возникает вопрос: чем в этом случае является Украина? Окончательный ответ на него даст история, а пока наши размышления движутся в русле предположений — от объекта, который история выбрала для эпической схватки двух цивилизаций (как в свое время Балканы, ставшие «пороховой бочкой Европы»), к запальной свече, от которой 8 июня 1914 года, когда в Сараево был убит наследник австро-венгерского престола эрцгерцог Франц Фердинанд, вспыхнул пожар Первой мировой войны.

2. Если рассматривать конфликт с точки зрения его формы и сфер проявления, то здесь наблюдается их большое разнообразие — от острой военной на тер-

¹ Комсомольская правда. 2022. 16 марта. URL: <https://www.kp.ru/online/news/4667731>.

² Лавров: Запад действует в ущерб интересам других стран // Российская газета. 2022. 14 апр. URL: <https://rg.ru/2022/04/14/lavrov-zapad-dejstvuet-v-ushcherb-interesam-drugih-stran.html>.

ритории Украины (а также ЛНР и ДНР) до не менее острых в экономической, финансовой, научно-технической, информационной и других областях социальной практики и международных отношений.

3. Довольно сложно определить точные пространственно-временные рамки конфликта. Вернее не рамки, поскольку он не завершен, пока лучше сосредоточиться на его истоках и начале. Скорее всего, это 2014 год, точка отсчета — референдум в Крыму и Севастополе и вхождение этих территорий на правах субъектов в состав России. Еще одна точка (или конфликтоген) — государственный переворот на Украине, произошедший в феврале 2014 года, и приход к власти оппозиции. Сразу после этого Верховная рада Украины отменила закон «Об основах государственной языковой политики», действовавший с 2012 года. Согласно закону, русский язык и языки национальных меньшинств получали статус региональных в тех местностях, где они являются родными как минимум для 10 % населения. В результате на востоке Украины, где преобладает русскоязычное население, вспыхнули протесты.

28 сентября 2017 года на Украине вступила в силу новая редакция закона «Об образовании», в котором прописано постепенное введение запрета на использование русского языка, а также языков других национальных групп в работе образовательных учреждений. Через полтора года был принят закон «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного», также направленный на ограничение возможностей использования русского языка и языков национальных меньшинств³.

Закон о государственном языке относится к категории наиболее чувствительных и резонансных, поскольку затрагивает интересы огромного количества людей и сфер их жизни. Языковая политика государства, будучи важной частью культурной политики, может в конфликтологическом плане рассматриваться либо как средство укрепления солидарности в стране, либо, напротив, как способ ущемления прав различных социальных и этнических групп, разжигания национальной розни и падения доверия части населения к власти. На Украине языковая политика носила откровенно националистический характер, так что у людей, по сути, не было выбора — или осваивать язык, или эмигрировать. Более сильный конфликтоген трудно придумать.

Однако один конфликтоген или их совокупность — это еще не конфликт, а только то, что объективно способствует возникновению конфликтной ситуации. Эта ситуация тщательно выстраивалась: сносились памятники, уничтожалось все, что напоминало о советском периоде в истории Украины, запрещались организации и союзы, лояльные к России, изымались книги неугодных авторов-россиян, запрещались концерты российских артистов и т. д.

4. Вопрос об объекте и предмете конфликта относится к числу наиболее дискуссионных в конфликтологической теории. В самом общем смысле предмет конфликта — то, по поводу чего спорят; противоречие,

³ См.: Как на Украине ограничивали использование русского языка // ТАСС. 2021. 15 июля. URL: https://tass.ru/info/11907705?utm_source=google.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=google.ru&utm_referrer=google.ru.

из-за которого стороны вступают в противоборство; то, что не могут поделить участники конфликтного взаимодействия. Объект — движущие силы, условия, в контексте которых протекает конфликт. В некоторых случаях объект онтологизирует причины конфликта, а предмет — его повод.

Российско-украинский конфликт в этом плане выглядит весьма специфично. Украина — это одновременно и сторона конфликта (вместе с коллективным Западом), и предмет конфликта (поскольку Украина борется с Россией за свою территорию и суверенитет), но это и объект конфликта, так как все условия сознательно были созданы украинским руководством.

В действительности же предмет конфликта намного масштабнее: это борьба со старым порядком мироустройства (однополярный мир) и попытка утвердить новый порядок (многополярный мир). Вопрос в том, приведет ли победа одной из сторон к установлению многополярного мира? То, что поляризация и взаимоотталкивание субъектов международных отношений усилятся, уже ясно на данном этапе конфликта. Что касается многополярности, то этот процесс начался практически сразу после Второй мировой войны, продолжается по сей день (его зримое воплощение — Китай, Индия, Бразилия, страны Юго-Восточной Азии) и с окончанием нынешнего конфликта не завершится. По мнению Г. Киссинджера, «мы живем в исторический период, когда налицо упорная, временами почти отчаянная погоня за ускользающей от общего понимания концепцией мирового порядка»¹.

Предмет конфликта часто связан с целями сторон, но в рассматриваемом случае эта связь пока не прослеживается. Одна сторона — Россия — обозначает свою цель как «демилитаризацию» и «денацификацию» Украины. Также в качестве задачи была названа помощь ДНР и ЛНР (выступление В. В. Путина 24 февраля 2022 г. по телевидению с объявлением о начале спецоперации). Кроме того, выступая в «Лужниках» на концерте в честь присоединения Крыма, В. В. Путин сказал, что цель российской военной операции на Украине — «избавить людей от геноцида»².

Спустя месяц после начала военной операции, 24 марта, официальный представитель МИД РФ М. В. Захарова заявила на брифинге, что целями операции являются не только демилитаризация и денацификация Украины, но и устранение исходивших с территории этой страны угроз³.

11 апреля в интервью телеканалу «Россия» С. В. Лавров сказал: «Наша специальная военная операция призвана положить конец безоглядному расширению и безоглядному курсу на полное доминирование США и под ними остальных западных стран на международной арене»⁴.

Министр обороны РФ С. К. Шойгу презентовал цель этой же операции в аналогичном ключе: «Глав-

ное для нас — защитить Российскую Федерацию от военной угрозы, создаваемой странами Запада, которые пытаются использовать украинский народ в борьбе против нашей страны»⁵.

В апреле заместитель командующего войсками Центрального военного округа Рустам Миннекаев заявил, что по итогам второго этапа спецоперации российская армия должна обеспечить сухопутный коридор в Крым, а также установить контроль над Донбассом и южными регионами Украины, что даст российским вооруженным силам еще один выход в Приднестровье, «где отмечаются факты притеснения русскоязычного населения»⁶.

Это означает, что вышеназванные цели операции не исчерпываются денацификацией и демилитаризацией. Остается надеяться, что миссия армии ограничится восстановлением прав только русского населения.

Вторая сторона — Украина — свои цели пока формирует сугубо в инструментальном формате: получить финансовую и военную помощь от стран Запада, вступить (или приблизиться к вступлению) в НАТО, остановить продвижение российских войск и т. п.

Таким образом, данный конфликт весьма специфичен, поскольку стороны видят его по-разному и вошли в него с не вполне пересекающимися целями.

5. В целом же вариация целей операции вместе с беллетризацией реальных и военных угроз со стороны Украины создает ощущение, что эта часть операции находится в процессе постоянной корректировки и уточнения. Более того, есть основания полагать, что не все задачи озвучиваются. Например, прокламируемые цели демилитаризации и денацификации Украины невозможны без достижения полного контроля над ее территорией (оккупации?) и смены ее властей. Однако официальные лица не говорят об этом вслух.

6. Последнее, что необходимо отметить в этом кратком конфликтологическом анализе: любой конфликт — явление многослойное. В нем переплетаются экономические, политические, психологические и иные мотивы. Одни выступают в качестве базовых, другие «подключаются» по мере развития конфликта. В связи с этим важно правильно диагностировать конфликт, поскольку, не выявив главную причину, невозможно ни спрогнозировать его развитие, ни тем более предложить эффективные меры по урегулированию.

Как представляется, военное противостояние России и Украины — это конфликт, в основе которого лежат социокультурные, ментальные факторы. В ментальной плоскости Украина существенно отличается от России, и разговоры о подобии и братстве двух народов мало что могут изменить в этом плане. Сама по себе Украина очень разнообразна во всех аспектах — религиозном, политическом, экономическом и др. Линии разграничения довольно четко проходят по осям «восток–запад» и «юг–север». Эти регионы различаются по этническому составу населения, доминирующим религиям, языку. Но есть и общие черты — инфантильность, небрежность, анархичность, неуважение к себе

¹ Киссинджер Г. Мировой порядок. М.: АСТ, 2017. С. 10.

² Путин назвал цель военной операции на Украине // РБК. 2022. 18 марта. URL: <https://www.rbc.ru/politics/18/03/2022/623488529a7947de68c1e85c>.

³ Все цели военной операции на Украине будут достигнуты — МИД России // Regnum. 2022. 24 марта. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3543997.html>.

⁴ <https://www.youtube.com/watch?v=CUN3NXmEulU>.

⁵ <https://argumenti.ru/politics/2022/06/776302>.

⁶ <https://news.mail.ru/card/342/#reference2>.

и окружению, провинциальность, скупость, непоследовательность и т. п.¹

В России такие качества в массовом сознании практически не встречаются. «Россия — цивилизационный экстраверт. Все ее действия направлены вовне. Украинцы — интроверты. У России более мужское начало, у Украины — более женское»².

Перед нами типичный ментальный конфликт, который «обогащается» факторами второго порядка: религиозными, экономическими, политическими и др. Военный конфликт между ментальностями имеет важную особенность: когда противниками являются представители разных культур и ментальностей, эта война не может быть выиграна ни одной из сторон, поскольку их культуры не пересекаются. Примеров тому немало: США при всей своей мощи так и не одолели Вьетнам; Советский Союз (а затем и США) ушли из Афганистана без победы, то же самое можно сказать о военной операции США в Ираке и т. д. Не исключено, что нынешняя военная операция на Украине быстро и однозначно не закончится.

Для такого вывода есть и другие основания. В частности, если посмотреть на данный конфликт на личностном уровне — как на конфликт двух лидеров государств, то понятно, что один из них в силу своего образования и «допрезидентского» опыта видит в данной ситуации реальные угрозы, а другой — только публику и ждет, что она будет ему внимать и аплодировать. Но беда в том, что у артиста нет своего содержания, он рефлексирующая и эмоциональная система, предназначенная для произнесения слов из той или иной роли, а когда артист озвучивает собственный текст, то лучше бы ему вообще ничего не говорить.

Это же обстоятельство осложняет переговоры. В конфликтологии есть термин «медиабельность кон-

фликта», который означает готовность сторон к примирению на определенных взаимовыгодных условиях, способность понять друг друга, найти взаимоприемлемые решения. Это служит основой начала переговоров в конфликте и залогом его возможного разрешения. Здесь налицо неготовность как минимум одной из сторон к диалогу. Причины как ментального, так и политического характера — жесткость и статичность позиций сторон. Пока некоторые подвижки наблюдаются в решении проблем, возникших в ходе операции (обмен пленными, гуманитарные коридоры, доставка гуманитарных грузов и т. п.). По основным же вопросам, судя по всему, идет «игра с нулевым результатом», когда один участник выигрывает ровно столько, сколько проигрывает другой. В данной операции одна сторона хочет все, в то время как другая не готова поступиться ничем (опять сбрасывает украинская ментальность). В реальности это вариант капитуляции, а в этом случае переговоры могут стать формальным закреплением достижений, которые произошли не за столом переговоров, а на полях сражений.

Войны давно нет, но все время где-то происходят столкновения. Войны нет, но и мира тоже нет. Есть военная операция, которая, в отличие от войны, предполагает не победу, а лишь достижение цели. Цель операции есть, но она до конца неясна, как неясно и то, состоится ли салют в честь ее достижения. Разумеется, все это не отменяет возможности конфликтологического анализа этой и подобных ситуаций. Конфликтология — наука, которая, с одной стороны, порождает вопросы, с другой — позволяет многие из них разрешить и продолжить дальнейший анализ непростой, интересной и, к сожалению, тревожной современности.